

Разрезы загноились

Репортаж Ирины Кравцовой из Кузбасса, где люди 13 лет ведут «гражданскую войну» с угольщиками, пытаются сохранить свои дома и здоровье

Работы в угольном разрезе. Фото: архив, «Новая газета Европа»

10:00, 21 августа 2023,

Кедр. Медиа

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Материал **подготовлен** изданием «Кедр.медиа». «Новая газета Европа» публикует его полностью с небольшими изменениями.

Каждое лето жители Кемеровской области едут отдыхать на «Мальдивы». Там они расстилают полотенца, наносят на кожу солнцезащитный крем, надувают цветастые матрасы и идут плавать. В масках для снорклинга взрослые и дети стараются разглядеть на дне горные породы, а если повезет, то и затопленную технику. «Мне нравится, потому что вода здесь хорошо прогревается, а в наших горных реках она холодная», — говорит жительница Новокузнецка 42-летняя Марина Кузнецова.

Эти места, куда жители Кемеровской области ездят, как на курорт, — бывшие угольные разрезы. Завершив работы, угольщики уходят, оставляя за собой уродливые ямы глубиной с 20-этажные дома. По закону они должны рекультивировать эти участки — засыпать землей и высаживать деревья вместо тех, что вырубili. Но почти никто в регионе этого **не делает** — потому что дорого и невыгодно. Постепенно ямы заполняются грунтовой водой. Манящего, лазоревого цвета водой (голубой оттенок объясняется наличием в воде минералов, которые содержатся в горной породе — **Прим. авт.**).

Нередко туда падают коровы и лошади, которые пасутся неподалеку. А еще, как рассказывают местные жители, в первые годы после возникновения этих водоемов в них иногда погибают дети. Родители запрещают им купаться там без присмотра, но, как и многие другие подобные предупреждения, они часто не работают. Долгое время эти водоемы стоят безжизненные: после того, как работы в разрезе прекращаются, газ из земельных пластов еще долго продолжает выделяться, остатки взрывчатых веществ в воде вступают в реакции. Но за пару десятилетий эти вещества выветриваются, и в озерах появляется жизнь, заводятся рыбы. Эти-то пейзажи местные жители и называют Мальдивами.

«Просто Кузбасс же не на море, — объясняет кемеровский горный инженер и координатор российской экологической группы «Экозащита!» Антон Лементуев. — Человек приезжает на водоем, и ему уже хорошо. Чтобы не сойти здесь с ума, люди обязаны находить хорошее».

Сажа и смерть

Первый угольный разрез появился неподалеку от деревень Алексеевки, Ананьино и Апанаса еще в 1975 году. Рабочие добывали из него уголь только для нужд котельной Листвягов, одного из районов Новокузнецка. «Карьер находился примерно в километре от деревень. Уголь добывали в очень скромных объемах, а в конце 1980-х и вовсе прекратили работы», — вспоминает 50-летний Сергей Шереметьев из Алексеевки.

Алексеевка. Фото: Ирина Кравцова

Прошло больше 20 лет, и в 2010 году лицензию на этот участок получили владельцы компании ООО «Разрез Бунгурский-Северный», которые начали добывать уголь уже в гораздо больших объемах. «Чтобы наращивать объемы, они стали углублять и расширять разрез. Здесь-то и начались проблемы: расширяться значит подойти вплотную к деревням, а то и снести их», — говорит Шереметьев.

С тех пор, вот уже 13 лет, жители трех деревень постоянно воюют со сменяющимися владельцами разреза, которые хотят добывать уголь из 60-метрового котлована рядом с их домами. Это не преувеличение: сейчас от края ямы до Алексеевки 196 метров, до Ананьино — 297, а до Апанаса — 678.

Хотя по закону расстояние от разреза до жилых домов должно быть не менее тысячи метров. Местные уверены, что из-за этого

соседства они будут сильно болеть и рано умрут. Это, увы, весьма вероятно: Кузбасс резко опережает другие регионы России по болезням органов дыхания и смертности от них (в том числе от рака легких).

ЧЕМ БОЛЕЮТ ЖИТЕЛИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ?

Кузбасс занимает **первое место** среди регионов России по смертности от рака легких. Главврач областного онкодиспансера Виктор Луценко в 2019 году **говорил**, что это напрямую связано с экологическими проблемами, вызванными работой угольных и металлургических предприятий.

В 2019 году пульмонологи провели в Новокузнецке исследование и выяснили, что здесь гораздо чаще, чем в среднем по России, болеют внебольничными пневмониями (на 25,9%), бронхиальной астмой (на 40,8%), хронической обструктивной болезнью легких (в два раза), туберкулезом (в 6,75 раза). Особенно пагубно **сказался** на экологии и здоровье жителей региона переход на буровзрывной (открытый) способ добычи угля, который произошел в последнее десятилетие. До этого уголь в Кузбассе преимущественно добывали в шахтах.

Хуже того: есть **исследования**, указывающие на то, что в действительности распространенность болезней органов дыхания и хронической обструктивной болезни легких в регионе в десятки раз превышает данные официальных статистических отчетов.

У каждой десятой женщины из Кузбасса синдром

поликистозных яичников (Синдром, при котором не происходит овуляция. Яйцеклетки формируются, но не созревают. Они остаются в ячейках яичника и превращаются в кисты. Из-за этого у женщин нарушается менструальный цикл, и они не могут забеременеть — **Прим. авт.**). Это, по словам доктора медицинских наук, главного внештатного специалиста Минздрава по акушерству и гинекологии в Сибири Натальи Артымук, «**связано** с бензапиреном». В 2018 году среднегодовая концентрация бензапирена в атмосфере Новокузнецка **была** в 6,8 раза выше нормы.

Даже если женщине на Кузбассе удастся забеременеть, велик риск, что ребенок родится с патологией. Специалисты Центра гигиены и эпидемиологии в Кемеровской области еще в 2014 году **зафиксировали** прямую зависимость между добычей угля открытым способом и ухудшением здоровья людей, которые живут по соседству с разрезами. Причем эта ситуация ухудшается: с 2005 по 2012 год количество случаев врожденной патологии на тысячу детей увеличилось в области вдвое.

Фейерверки без красоты

Алексеевка, Апанас и Ананьино стоят на границе Кемеровской области и Алтайского края. Села окружены тайгой, возле них течет горная река Чумыш. Вокруг — тишина.

Сергей Шереметьев вырос в этой тишине. Повзрослев, он уехал из Алексеевки в город, но в 2011 году вернулся, чтобы защищать свою землю.

Сергей Шереметьев. Фото: Ирина Кравцова

Мы встретились с Шереметьевым в конце марта 2023 года, когда на улице еще стоял мороз. Сергей ходил по деревне в шапке-ушанке, куртке нараспашку, сером вязаном свитере и черных резиновых сапогах.

Вместе с женой Сергей живет в ветхом родительском доме. На входной двери — металлический Ленин, рядом с крыльцом — проржавевшая телевизионная тарелка, на дереве у дома — скворечник. Здесь же припаркована черная «Волга» Шереметьева, которую угольщики помяли своей техникой.

Когда те начали разрабатывать разрез около его деревни, Шереметьев первым стал задавать вопросы: почему рядом с деревней уже рубят лес? На каком расстоянии от Алексеевки работы остановятся? Планируют ли сносить поселки? «Угольщики уверяли меня, что не будут расширяться в сторону

деревень, но продолжали валить кедры и завозить к разрезу технику, расширяя его всё больше в нашу сторону», — утверждает Шереметьев.

Дом Сергея Шереметьева. Фото: Ирина Кравцова

Рабочие пробивали в земле скважины, закладывали в них тонны взрывчатки и подрывали одну за другой. «Будто много-много фейерверков, только красоты никакой», — вспоминает Сергей. Над деревнями вздымались и надолго застывали в небе черно-оранжевые клубы дыма и гари. Сажей покрывались фрукты и овощи в огородах. «Отмыть яблоки и помидоры от черноты можно было только с “Фейри”, но даже после этого мало кто уже решался это есть», — вспоминает 60-летняя учительница начальных классов из Алексеевки Ольга Семушина. Было по-разному: то несколько серий взрывов в день, то передышка на несколько недель.

Выбитые зубы

Работы в угольном разрезе. Фото: «Новая газета Европа»

«Что, если бы вы сейчас выглянули в окно, а прямо под ним яма с 20-этажный дом и три километра в диаметре? — забрасывает меня вопросами Шереметьев. — Круглосуточно там работает куча техники, пылит, дымит, взрывает. Как вы думаете, будет ценной ваша недвижимость, нужна она будет кому-нибудь? Как будете засыпать в шуме, когда по ночам работает техника, а акустика такая, что слышен даже комариный писк? Как вы вообще будете там жить?»

Вопросы для Кемеровской области не праздные. Даже ее губернатор Сергей Цивилёв признавал, что угольные компании часто **обходят** регламентированную законом норму о защитной зоне между кромкой разреза и жилыми домами. Когда бизнесменам нужен участок земли под добычу угля, они его берут, невзирая на то, живут поблизости люди или нет.

Проблему с законом владельцы угольных разрезов решают так: приходят к тем, чьи жилища попадают в санитарную зону, и предлагают их продать. Люди сначала отказываются: многие в этих домах выросли, для них это не просто жилье.

«Им говорят: “Не хотите? А ваши соседи уже продали”, — рассказывает об уловках владельцев угольных разрезов координатор «Экозащиты!» Антон Лементуев. — Человек сопротивляется, но тут приезжает бульдозер и сносит дом его соседа, который согласился на продажу. Потом бульдозер сносит другой дом, потом еще один. Человек остается в трущобах, где через один, как выбитые зубы, снесены дома».

По словам Лементуева, это такой способ психологического воздействия: «Не согласны отдавать под снос свой дом? Хотите оставаться тут жить? Ну живите, но жизнь ваша будет невыносимой».

Алексеевка. Фото: Ирина Кравцова

В 2011 году помочь селянам взялась молодая юристка из Новокузнецка (они уже не помнят ее имени). В документах, которые позволяли владельцам «Бунгурского-Северного» вести работы вблизи этих сел, она нашла много нарушений и фальсификаций.

Но потом, рассказывает Шереметьев, «разрезовские навестили ее дома». На следующее утро она приехала в Алексеевку и, глядя себе под ноги, сообщила подопечным: «Я с вами больше работать не буду».

Сергей Шереметьев. Фото: Ирина Кравцова

Тогда жители трех деревень начали действовать сами. Они не только заваливали письмами надзорные органы, но и ложились под БелаЗы, не давая им проехать, отказывались уходить из зоны взрывов. В 2012 году женщины, держа на руках своих детей, загородили собой проход технике и не давали проводить взрывы. «Взрывники говорили: “Женщины, миленькие, уходите, пожалуйста. Ведь вы же с детьми, такая жара стоит, мы ни за что не ручаемся, сейчас взорвется”, — вспоминает Ольга Семушина. — А мы стояли и не уходили. И ничего они [тогда] не взорвали».

На четвертый год борьбы предприятие ООО «Разрез Бунгурский-Северный», несмотря на действовавшую до 2024 года лицензию на угледобычу, ушло с разреза.

Жители деревень вырвали себе несколько лет нормальной

жизни, но уже в 2019 году узнали, что лицензия на участок досталась ООО «Разрез Апанасовский». Люди поняли, что отступление «Бунгурского» стало для угольщиков не признанием поражения в войне, а временной отсрочкой для перегруппировки сил.

Ленин в помощь

Ранним утром в конце марта мы с 53-летней Оксаной Лаукарт едем из Новокузнецка в поселок Апанас, где она выросла. Мы будто герои черно-белого кино. Вокруг нас на полях по обеим сторонам лежит темно-серый снег, небо затянуто такого же цвета тучами. По раздолбанной черной дороге проезжают огромные грузовики с углем.

Грунтовая дорога усыпана кусками угля, из-за этого машину сильно заносит, мы еле плетемся на белой «Хонде». Оксана говорит, что место, куда она везет меня, похоже на Швейцарию, потому что летом там прохлада, зелень, поют редкие птицы. Люди сбегают туда из грязного Новокузнецка при первой возможности.

Внезапно она останавливается, заметив на обочине посреди черноты большой белый сугроб. Выходит из машины, показывает мне его и говорит: «Ирочка, смотри: белый снег — это так красиво».

Оксана Лаукарт рядом с большим белым сугробом. Фото: Ирина Кравцова

Оксана — эффектная, высокая, стройная женщина с длинными каштановыми волосами и большими серыми глазами, ей ни за что не дашь 53 года.

Когда ей было 14, родители развелись, и они с матерью перестали ездить из Новокузнецка к родителям отца в Апанас. В 90-х ее дедушка умер, и родственники продали его дом. «Сиреневые закаты ложатся на сугробы. А ты идешь в валенках, маленькая, в цигейковой шубе, в цигейковой шапке. Держишь сестру за руку. А снег вокруг такой разный. Хрустальные стразы рассыпаются и хрустят под ногами. Снежные шапки свисают с крыш. Дома трещит огонек, русская печь, бабуля тебе щи поставит с хлебом, который сама утром испекла. Ты поела, легла, тебя любят... А как там пахнет воздух! Такого воздуха, Ирочка, нигде больше нет», — с нежностью вспоминает она свое детство и говорит, что именно тут находится ее место силы.

В 2020 году Оксана купила в Апанасе дом на той же улице, на которой стоит родительский (теперь там новые жильцы), и с тех пор тратит на войну за эту землю всё свое свободное время. Дежурит вместе с соседями возле разреза, не давая технике пройти, слышит от рабочих обидные слова в свой адрес, пишет обращения чиновникам, получает отписки, ничего не меняется, и так по кругу.

Кроме Лаукарт, Шереметьев еще многим соседям помог поверить в свои силы — всего ему удалось поднять на борьбу около ста жителей трех сел. Решающую роль в этом сыграл Владимир Ленин, чьи труды Сергей начал читать в 2001 году. Сейчас он дочитывает 46-й том. «Знаете, после 45 томов Ленина духом не падаешь абсолютно ни в чем», — задорно говорит Шереметьев, и под его ногами громко хрустит снег. Он берет на заметку методы вождя пролетариата и использует в своей борьбе с угольщиками: «У Ленина я вычитал, что нужно предлагать людям конкретные шаги — объяснять, что именно мы можем сделать: какую бумагу подать, куда заявить».

Плакаты против открытой добычи вблизи сел, деревня Апанас. Фото: Ирина Кравцова

Поднять людей на борьбу было непросто и с Лениным. Шереметьев говорит, что «самым сложным было убедить “всепропальщиков” — тех, кто заранее уверен, что даже не стоит начинать бороться, — в том, что не нужно падать раньше выстрела». «Они всю жизнь прожили, видя, что власть у бандитов, что чиновникам на них вообще плевать», — говорит он с пониманием.

Угольный беспредел

Есть много примеров того, как тяжело приходится на Кузбассе людям, решившим бороться за свою родную землю. На юге Кемеровской области в горно-таежной местности по рекам Кондома, Мрас-Су и Томь живут шорцы — малочисленный тюркоязычный народ. Долгие годы шорцы из поселка Казас Кемеровской области сопротивлялись работам в разрезе

«Южный» рядом с их домами, которые трясло от взрывов.

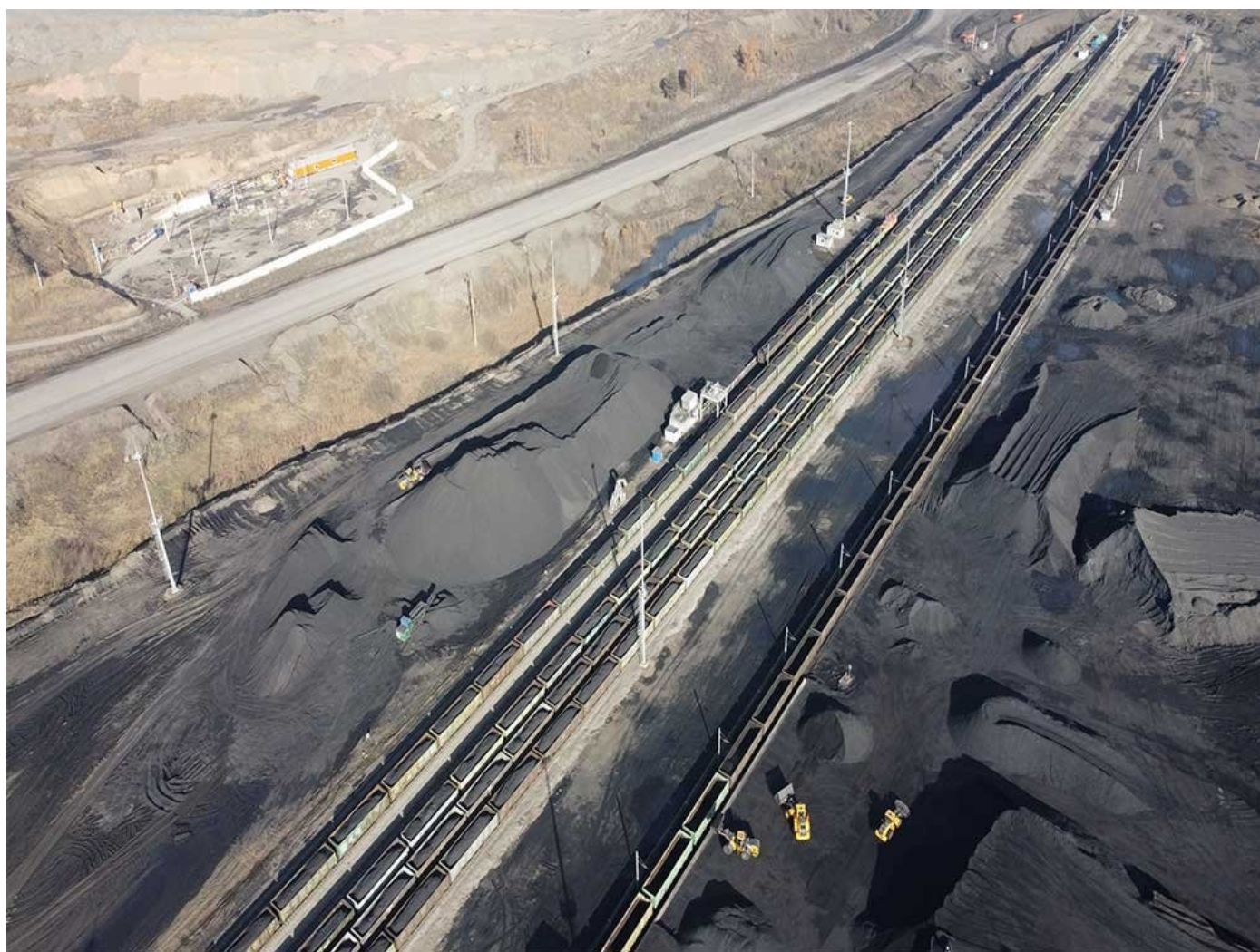
Угольщики хотели расширить разрез в сторону поселка и предлагали людям продать входившие в санитарную зону дома. Люди сначала отказывались, но в итоге сдались и уехали. Все, кроме хозяев пяти домов. За зиму 2014 года эти пять домов **сгорели**. Пожарные установили, что их подожгли, но виновных не нашли.

В черте Киселёвска, города с населением 90 тысяч человек, расположены сразу десять угольных разрезов, в том числе в самом центре. Люди десятилетиями живут в домах, которые находятся в 200–300 метрах от угольных разрезов, и ничего не могут с этим сделать. Они пишут жалобы, но становится только хуже.

Например, ночью 29 июля 2022 года у жительницы Киселёвска Ольги Дубей, которая критиковала угольщиков, **сгорел** дом. За три дня до этого она участвовала в общественных слушаниях о расширении угольных разрезов компании «Талтэк» и высказалась против деятельности промышленников. Рассказывая о том, в каких условиях ей приходится жить из-за соседства с угольным разрезом, Дубей называла свой адрес.

Местные журналисты тоже пытались найти управу на угольных бизнесменов, которые нарушают права жителей в регионе, но безуспешно. 25 февраля 2021 года в Киселёвске **напали** на экоактивистку и главного редактора издания «Новости Киселёвска» (оно активно освещало протесты местных жителей против угольщиков) Наталью Зубкову. Мужчина подошел к журналистке сзади, схватил за капюшон и опустил ее на колени лицом в черный снег. Он пригрозил расправиться с дочерьми Зубковой, если та «еще хоть раз откроет рот». Через несколько дней Зубкова навсегда **покинула** регион.

Когда журналисты пытаются хотя бы издалека сфотографировать угольный разрез, чтобы зафиксировать, что там ведутся работы, на них нападают сотрудники ЧОП, нанятые владельцами разрезов. Избивают, отбирают телефоны, а полиция в регионе, по словам Лементуева, закрывает на это глаза. Он рассказывает, как в 2018 году во время пресс-тура ему пришлось отбивать журналистку от охранников, нанятых разрезом «Шахта № 12».

Работы в разрезе «Южный». Фото: Разрез «Южный»

«Угольный разрез — частная территория, поэтому мы стояли и фотографировали издалека: было видно, что в его сторону проезжают самосвалы. Потом мы все зашли обратно в автобус, а Яны Долганиной из «Тайги. Инфо» не оказалось. Я вышел посмотреть, а чоповец с разреза уже толкает ее в сторону уазика-буханки. Я ее еле отбил», — вспоминает эколог.

По словам Лементуева, часто бывает так: когда начинается очередной произвол угольщиков, журналисты активно пишут об этом, но потом резко прекращают. «Так мы понимаем, что к ним кто-то пришел и сказал на эту тему больше не писать», — говорит он.

Вот и получается, что бесполезность борьбы с угольщиками в городках и поселках Кузбасса понимают даже дети.

Учительница начальных классов Ольга Семушина, худая женщина с тонким голосом, одна из активных соратниц Шереметьева, рассказывает, что недавно ученик спросил у нее на уроке: «Вы вот нам говорите беречь природу, сажать деревья, собирать макулатуру... Но вы же видели, как бульдозеры возле Ананьино, где моя бабушка живет, в яму вековые деревья сбрасывали? Значит, всё без толку».

«А я и правда видела, как угольщики без всякой великой цели рубили эти кедры, просто чтобы владельцы разреза набили карманы. Я не нашла, что ему ответить», — расстраивается она.

«У нас гражданская война»

В 2019 году, вскоре после прихода на разрез нового собственника, на стороне жителей Алексеевки, Ананьино и Апанаса выступил губернатор Сергей Цивилёв. Он **заверил** их, что никакие работы в разрезе вблизи их сел вестись не будут. «Мы против развития этого месторождения. Мы уже отправили официальный запрос в Роснедра, чтобы отозвать эту лицензию. Моя позиция, позиция правительства Кузбасса: мы против реализации этого проекта. Считаем, что требования, которые жители предъявляют, законны и справедливы. Мы будем действовать в рамках законодательства и разрешения на отработку не дадим», — сказал губернатор.

«Это была уникальная для Кузбасса ситуация, потому что обычно всё [происходит] наоборот. Власти говорят: “Народ

сволочи, а разрезу всё можно”», — рассказывал 59-летний местный житель Владимир Горенков. Он долгие годы жил в Новокузнецке, но после банкротства своей строительной фирмы переехал в Апанас вместе с женой (у них есть сын и трое внуков). Она работает фельдшером, а он стал кузнецом и одним из главных лиц апанасовского сопротивления.

Горенков кует на заказ ворота, заборы и козырьки, а для души — подсвечники, розы и статуэтки. Многие из них потом раздаривает. Еще он выращивает табак сортов Вирджиния и Гавана: в феврале, пока морозы, заготавливает и держит рассаду дома, весной высаживает в огород и уже в июле собирает первые листья. Подвешивает стебли на чердаке и сушит, чтобы потом делать самокрутки.

Жители трех деревень, даже если и хотели поверить словам Цивилёва, расслабляться не стали. Поэтому, когда угольщики в конце 2022 года внезапно снова приступили к работам на разрезе, они не застали их врасплох.

Работы в угольном разрезе. Фото: «Новая газета Европа»

Первого ноября экскаватор попытался своим ходом пройти через Ананьино. Селяне заранее выставили на дорогах бетонные блоки для крупной техники, но экскаватор их разбросал и сумел проехать. Народ из трех деревень выбежал — кто после бани, кто из дома в тапках — и помчался к разрезу. Люди устроили дежурства, чтобы не пустить технику, была среди них и Оксана Лаукарт, которую соратники прозвали «Григорьевна», что совсем не вяжется с ее образом эффектной интеллигентной женщины.

Тогда угольщики пробили дорогу в поле (хотя по закону они не имеют права ездить по землям сельхозназначения, а должны прокладывать себе отдельную дорогу) и завезли по ней на разрез бульдозер, экскаватор и два грузовика Shacman. Позже Россельхознадзор их даже оштрафовал за это на 1,5 млн рублей. «Они хотели завезти и другую технику, но я поставил машину так, чтоб она преграждала им дорогу. Мы с односельчанами тогда дежурили 47 суток. Власти нам не мешали: пока у нас

гражданская война, они в стороне», — говорит Шереметьев.

Техника у Апанасовского разреза. Фото: Ирина Кравцова

Может быть, и так, но вот правоохранительная система точно приняла сторону бизнеса. Сергей Шереметьев даже не может с ходу сказать, сколько административных дел на него было заведено за то время, что он борется с угольщиками. Он начинает загибать пальцы: «Одно, второе, третье, четвертое...» — доходит до десяти и, явно не добравшись до конца, бросает подсчет. Примерно столько же дел заведено на его соратника из Апанаса Владимира Горенкова.

Немало у них двоих и уголовных дел. В 2019 году кто-то поджег бульдозер на заброшенном разрезе «Сибуголь» неподалеку от трех деревень. Полиция заподозрила Шереметьева и Горенкова и возбудила дело по статье «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения» (ст. 267 УК РФ), по

заявлению одного из владельцев «Сибугля» Евгения Гусева. У Горенкова и Шереметьева в домах провели обыск, а сами они ушли в лес.

«Мы с Горенковым скрывались около месяца, потому что источники, связанные с правоохранительными органами, нас заранее предупредили: если что-нибудь случится, вину повесят на нас, и никто не будет разбираться, действительно мы виноваты или нет, — говорит Шереметьев. — А че такого? Тайга нас кормила. Потом поступил сигнал, что нас не будут обвинять и мы можем выходить». В 2020 году дело приостановили.

Плакаты против открытой добычи угля, деревня Алексеевка. Фото: Ирина Кравцова

В ноябре 2021 года на Шереметьева возле его дома напали неизвестные мужчины. По его словам, они передали ему «привет от Гагика Сукиасяна», одного из учредителей ООО «Разрез Апанасовский». «Так вот, они меня ***** [совсем] не

напугали, я ***** [совершенно точно] не успокоюсь, я не отступлюсь. Копать они не будут, даже если это повлечет мою смерть», — **говорил** Шереметьев с окровавленным лицом, записывая видео у своего дома. Он подал заявление в полицию, но дело не возбудили.

Осенью 2022 года за Шереметьева взялись по новой: дело о сожженном бульдозере возобновили, а компания ООО «Разрез Апанасовский» **направила** к Шереметьеву досудебную претензию, в которой потребовала 4 млн рублей за простой техники. «Суд им отказал, — рассказывает Шереметьев. — Но на меня после этого возбудили дело по статье “Самоуправство” (330 УК РФ). Меня признали виновным, апелляцию я проиграл. Теперь в гражданском суде с меня попробуют взыскать эти миллионы».

В декабре угольщики опять увезли технику с апанасовского участка, а в марте 2023 года предприняли новую попытку приступить к работам. На этот раз преграждать дорогу экскаватору вышли семеро жителей деревень. Сергей Шереметьев вспоминает: «Разрезовские — около 30 человек — стали **забрызгивать** нам глаза газовыми баллончиками, стрелять под ноги из травматического оружия. Мою жену один из рабочих ударил по лицу и отобрал телефон — она снимала происходящее на видео. Горенков стоял с топором, предупредив, что будет обороняться в случае, если разрезовские тронут его. Мы подали заявление в полицию, но они снова стали проверять нас, а не угольщиков».

В итоге тяжелая техника всё-таки проехала на участок угледобычи, его в который уже раз стали готовить к работе (но взрывать так и не начали), а на Горенкова и Шереметьева завели еще одно дело по статье об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ).

Почему угольщики сначала с боем привозят на разрез технику,

а потом, не проведя взрывных работ, увозят, до конца непонятно. Есть только предположения. «Может быть, зимой 2022–2023 года они выполняли разведочные работы перед тем, как начать добывать уголь в промышленных объемах, — говорит Лементуев. — А увезли потом технику, потому что ее аренда стоит дорого: техники своей у разреза нет, она на аутсорсинге. Пока они не начали проводить работы и продавать уголь, платить за технику им нечем».

Затишье перед выборами

Весной 2023 года генеральный директор ООО «Разрез Апанасовский» Игорь Павлов дал интервью с позиции силы. Он **заявил**, что с апреля 2023 года компания приступит к добыче «в серьезных масштабах»: «Взрывы, безусловно, будут, примерно несколько раз в неделю. Но наша деятельность не нарушит никаких норм закона».

«Когда выйдем на планируемую мощность, сможем осваивать по 300 тысяч тонн ежегодно, — хвастался он. — Запасы угля на участке — около 10 млн тонн, то есть работы здесь на 30 и более лет. Планируем добывать до 2050-х годов».

Павлов сказал, что с Цивилёвым и другими чиновниками компании удастся найти «общий язык», в том числе продлить лицензию на разработку месторождения. Помочь в этом может и то, что 33% ООО «Разрез Апанасовский» принадлежат Андрею Халезину, сыну Александра Халезина, который с 2000 по 2012 год был прокурором Кузбасса.

Через месяц после интервью Павлова губернатор Цивилёв вновь **высказался** про «Разрез Апанасовский». «Чуть ли не на 300 метров они уже приблизились к поселку. Мы считаем, что такое состояние дел недопустимо. Мы сделаем всё, чтобы работы по добыче угля рядом с поселком Апанас не производились», — грозно сказал он и ясно дал понять: главное

для него — это человек, и если уголь идет человеку во вред, то уголь Цивилёву не нужен.

Апанас. Фото: Ирина Кравцова

В деревнях у разреза Цивилёву не слишком верят. Пусть сейчас работы на разрезе Апанасовском не ведутся, но Шереметьев уверен, что затишье связано с выборами губернаторов, которые пройдут в сентябре. «Власть, когда ей надо, имеет рычаги воздействия. Предполагаем, что после выборов чиновники опять скажут: “Ну, у них всё законно, мы ничего не можем сделать. Потерпите до Нового года, вот у них лицензия уже кончится, и всё, ее не продлят”. А потом ее продлят, и мы останемся с носом», — рассуждает он.

По мнению Антона Лементуева, Цивилева вообще не волнует, будет разрез или нет. «Для него важно одно: чтобы всё не дошло до более отчаянной радикализации на территории, за которую

он несет ответственность перед федеральными властями. Напомню, что он пришел к власти в клубах дыма пожарища “Зимней вишни”», — говорит эколог.

Жители трех поселков живут «в постоянном ожидании беды». «Я и многие мои соседи стараемся не делать ремонт и новые пристройки, потому что знаем, что всё, что у нас есть, угольщики могут отобрать и сжечь в любой момент», — признается Ольга Семушина.

Секта и бандиты

Сергей Шереметьев из Алексеевки настоятельно просил меня не афишировать свой приезд: «Иначе они просто не дадут вам работать: приедете — и вас сразу увезут на дачу показаний, а потом выпроводят обратно».

Мне удалось сделать работу, не привлекая лишнего внимания, а вернувшись из командировки, я звоню Петру Финку, который представляет ООО «Разрез Апанасовский» на всех официальных мероприятиях и в стычках с местными жителями.

Финк негодует: «Как же так мы с вами не встретились! Вы должны были сказать, что приедете! Эти мерзавцы потрясли перед вами своими грязными руками, а вы, молоденькая девочка, их пожалели, поверили им... Смотрю на вашу фотографию [в ватсапе] и вижу, что вы очень чувствительная девочка... Красивая. Мы должны были встретиться». И снова возвращается к своему главному аргументу: «Вы видели их руки? Они же черные (руки у Шереметьева чистые, а Горенков всё-таки работает кузнецом. — **Прим. авт.**). Те, кто там против разреза, это же не люди, это свиньи. Вы должны приехать еще раз, я сам вам всё покажу, чтоб вы точно всё правильно поняли».

Финк уверяет меня, что никогда не работал и не будет работать

в компании «Разрез Апанасовский». Хотя с тех пор, как новые владельцы приобрели лицензию на апанасовский участок, он, по словам жителей соседних деревень, выступает «как решала от владельцев разреза» — предлагает селянам достроить храм в Апанасе, сделать дороги в поселках в обмен на то, что они не будут мешать угольщикам.

Петр Финк. Фото: Волость

Со мной он говорит обеспокоенным, нарочито доброжелательным голосом. При малейшем несогласии перебивает, часто вместо ответа на вопрос переводит тему: «Я участник общественного движения “Рабочее движение Кузбасса”. Ответственно говорю: противники разреза — это просто секта и бандиты. Эти люди паразитируют на понятии “экология”. Горенков признался мне, что сжег технику угольщиков, что у него есть боевое оружие. А Шереметьев браконьерничал, охотился на лосей и даже был судим за это (это правда. — **Прим. авт.**). Мы думали, что Горенков

нормальный человек с нормальными генами, а это бандит».

Его оценка мотивов протестующих подозрительно схожа со словами гендиректора ООО «Разрез Апанасовский» Павлова, который **заявил**, что противодействовать работе разреза пытается «только группа из семи-восьми человек, которые в большей степени преследуют какие-то личные интересы, а не общественные».

Финк пересылает мне в ватсапе голосовое сообщение, в котором некий человек, по голосу похожий на Горенкова, в грубых выражениях посылает оппоненту угрозу сексуального насилия, которая в российских реалиях прочитывается скорее как оскорбительный выпад. Финк уверяет, что это сообщение Горенков отправил его «товарищу», который выступает за разрез.

Сам Финк — координатор Кузбасского фонда поддержки президента России, а в 90-е был **фигурантом** 14 уголовных дел, и 23 года, по его собственным словам, провел под подпиской о невыезде. В 1994 году его **обвинили** в хищении 3,2 млрд рублей во время операции по экспорту 5 тысяч тонн алюминия. Когда кемеровская прокуратура вынесла постановление об аресте Финка, он исчез, после чего его объявили в федеральный розыск.

В бегах Финк получил ножевое ранение, лечился в больнице под чужой фамилией, но всё закончилось для него благополучно. Генпрокуратура признала постановление об аресте Финка незаконным и освободила от занимаемой должности одного из его обидчиков, областного прокурора Кузбасса Александра Пахирко. Тогда многие говорили, что так проявилось противостояние председателя Законодательного собрания Кемеровской области Амана Тулеева и главы администрации области Михаила Кислюка. Но сам Финк считает, что дело просто сфабриковали.

«Шереметьев и Горенков создали секту, и всё их гнусное нытье — это игра. Я вам клянусь детьми, — продолжает Финк. — Да, есть мое конституционное право как гражданина и жителя Новокузнецка дышать чистым воздухом. Но не получается! Что ж теперь делать. Плакать из-за этого? Если мы тут будем дышать свежим воздухом, наши дети от голода вспухнут. Работы-то другой в Кузбассе нет».

«Без разреза деревни исчезнут»

Кажется, владельцам «Апанасовского» и Финку всё-таки удалось добиться своего — сломить волю жителей к борьбе. Нет, и сейчас во всех трех поселках остаются люди, твердо выступающие против разреза. На домах здесь по-прежнему висят плакаты «Нет новым разрезам», «Не дадим уничтожить тайгу и поля», «Не хотим жить на лунных ландшафтах».

Но люди устали пребывать в постоянном напряжении, и некоторые начали соглашаться на бесплатный уголь от владельцев разреза и готовы проявить лояльность к работе угольщиков в обмен на строительство дорог в селах.

Есть и такие, как 71-летний Алексей Хорохордин из Апанаса, который всю жизнь проработал в шахте и сейчас не видит никакой проблемы в том, чтобы возле его деревни добывали уголь. Тех, кто против, он называет «псевдоэкологами», говорит, что им «платят деньги за нестабильность в государстве». «Нужно приносить добро и позитив, а они ноют. Я вот всю жизнь в шахте отработал для государства, — говорит Хорохордин. — А их обеспечивают извне. И таких “пятых колонн” по России очень много. А я скажу так: если государству нужно будет, то заберут наши дома и переселят нас отсюда — и ничего страшного. Главное — экономическая безопасность нашей страны. А наши удобства — дело десятое, потерпим, если надо будет».

В июне 2023 года сдался едва ли не самый непримиримый противник разреза — Владимир Горенков из Апанаса. В провластном кузбасском издании «Ваш город» тогда появилась заметка о том, что «представителям разреза “Апанасовский” и активистам удалось найти компромисс». На фотографии, опубликованной в этой заметке, Горенков сидит в лобби гостиницы Park Inn by Radisson в Новокузнецке за одним столом с коммерческим директором разреза Гордеем Громовым и Петром Финком. Громов смотрит прямо в камеру и широко улыбается, Финк выжидающе смотрит на Горенкова, а тот — грустный и растерянный — отводит взгляд в другую сторону. «Угольщики хорошо понимают, что с людьми нужно обязательно общаться, встречаться, выслушивать их мнение. Именно такой подход позволил участникам конфликта достичь компромисса», — благостным тоном сообщает статья.

Петр Финк, Гордей Громов и Владимир Горенков. Фото: Пресс-служба «Разреза Апанасовского»

Этот компромисс, по версии сотрудников издания «Ваш город», заключается вот в чем: жители поселков, которые были против разреза (в лице Горенкова), вдруг «учили аргументы представителей “Апанасовского”» и стали прямо-таки «убеждены» в том, что те сдержат слово и не тронут их поселки. А еще в том, что «предприятие будет участвовать в их благоустройстве и развитии».

Сам Владимир Горенков отказался объяснить мне, почему изменил позицию. Шереметьев, как мне показалось, тоже устал от борьбы и прокомментировал поступок товарища сухо: «Договоренности Горенкова — его дело, но всё же он не может решать за жителей трех сел».

В Апанасе уверены, что Горенков пошел на это, потому что ему давно угрожали довести до конца какое-нибудь из его уголовных дел, если он не прекратит бороться против деятельности угольного разреза. «Так и говорили: выбирай статью, посадим по любой, которую сам выберешь», — говорит жительница Апанаса, которая попросила об анонимности.

Довольный своим успехом Финк не упустил возможности унижить поверженного противника: «Горенков пришел к нам, повинился, сказал: “Был пьяный [когда выступал против разреза], а теперь протрезвел и понял, что без разреза деревни исчезнут за три года”».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Или сдохну на войне, или на паперти в Казахстане»](#)

Ирина Кравцова поговорила с теми мужчинами, кто не хочет воевать, но всё равно остается в России

19:15, 16 августа 2023, Ирина